

Рассказ немецкого связиста по имени Эгон (Egon)

До войны, как полагалось всем парням, я побывал в Гитлерюгенде - тебя могли счесть маменькиным сынком, если ты не прошел через это. Но в RAD (Трудовая Служба Рейха – RAD – крупная организация в нацистской Германии, нацеленная на устранение последствий массовой безработицы, милитаризацию и идеологическую обработку трудоспособного населения - ВК) я не был, поскольку работал в Штутгарте в цеху, производившем авиационные приборы. Я надеялся, благодаря этой работе, избежать службы в армии, поскольку тогда все уже хорошо понимали, что такое фронт. Но меня все равно забрили в 1942-м. Было мне тогда 20 лет. Я попал в связисты и служил в 260-м артиллерийском полку. Сами пушкари называли нас *Strippenzieher*, что означало что-то типа «тянущий провод».

Полевой телефонный узел

Боевую подготовку я проходил во Франции, где местные относились к нам не особенно дружелюбно. Оттуда был направлен в Россию в сентябре 1942-го. Полк стоял в Новогорске (?). Нами, связистами, командовал поляк по фамилии Weisskopf. Мы звали его *Scheisskopf* (дерьмовая башка, м...к – ВК). Его мы просто ненавидели, такой это был козел! Когда он злился, он орал нас по-польски, а мы ржали над ним. Его это еще больше выводило из себя, и ему еще труднее было говорить по-немецки. Все это было довольно забавно... В конце концов, его сильно лягнула одна из тягловых лошадей. Даже лошади его не любили. Больше мы его не видели...

Будучи связистом, я практически не участвовал в боях. Я всегда был немного позади от передовой, в меня никогда не стреляли, но я много раз был под огнем русской артиллерии. Страх я натерпелся с избытком и больше всего заботился о том, как остаться в живых. Как-то во время атаки русских я застрял на небольшой высоте, где был наш наблюдательный пункт. Было интересно следить за боем, но вскоре *Иваны* раскусили, что на высоте что-то происходит, и обрушили на нас артиллерийский огонь. Никто из нас не пострадал, но я помню, как казалось, что этот холмик взлетает в воздух. Ну а телефонную линию просто разорвало в клочья. Тут-то и начиналась моя работа – восстанавливать телефонные линии...

Грузовик с радио- и телефонным оборудованием после прямого попадания артиллерийского снаряда...

Помню, что как-то меня и солдата по фамилии Хофманн послали восстановить нарушенную после атаки русских связь с одним из наблюдательных пунктов. Вообще, он был известен, как крепкий парень. Ползем мы с ним по лесу, и тут Хофманн останавливается, поворачивается ко мне и улыбается. Я тоже улыбнулся. Он говорит: «Я знаю, почему линия оборвана. – Почему? – Да потому что на ней танк припарковался. – Наш или русский? – Русский.» И улыбается так, как будто это и в самом деле очень смешно. Мы услышали, как заработал танковый двигатель, и тут я разглядел, что и в самом деле, русский танк стоит всего в паре метров от нас! Хофманн прекратил улыбаться и говорит: «Давай-ка сваливать отсюда.» Я увидел, что он здорово испуган, и от этого чуть не потерял сознание от страха. Мы поползли назад так быстро, насколько это было возможно, а в это время танк ломился сквозь заросли вслед за нами. Нам удалось вернуться к своим, и наш фельдфебель послал на восстановление связи уже четверых. Слава богу, когда мы вернулись примерно в то же место, танка там уже не было.

Самое худшее воспоминание о войне – это бомбардировка Штутгарта. Хотя, скорее, это было столкновение с русскими, просочившимися через линию фронта. Не так, чтобы большое событие, но я его запомнил... Я и мой приятель ехали в русском фургоне в город, чтобы что-то получить на складе, но неожиданно один из офицеров приказал нам вместе с другими солдатами разобраться с какими-то «партизанами». Нас усадили в грузовики, и мы где-то с полчаса тащились по отвратительной лесной дороге неизвестно куда. Все кишки у меня вытрясло. Оказалось, что русские были окружены в долине какого-то ручья в глубине леса. В придорожном кювете валялись убитые или раненые немцы, были видны еще трупы между дорогой и ручьем. Группа солдат, в которой был я, получила приказ продвигаться ползком по канаве в сторону ручья. Но, должно быть, другой отряд наших спустился в долину ручья с противоположной стороны, и, когда мы добрались до места, все уже было кочено. С полдюжины *Иванов* стояли в ледяной воде с поднятыми вверх руками. Они не были партизанами, поскольку были в форме – в ватниках и с касками на голове. Там был офицер-полицай – сердитый парень, который все время называл этих русских бандитами. Затем в зарослях прогремела автоматная очередь, и послышались стоны. Один из наших пленников закричал что-то, и полицейский уложил его на месте выстрелом из пистолета. Поднялась стрельба, и в итоге всех русских перебили. Все произошло очень быстро, и я не сделал ни единого выстрела. Некоторые из солдат сфотографировали результаты своего труда, но я просто сбежал оттуда сломя голову. Пока нас не было, кто-то увел наш фургон, и нам пришлось идти пешком всю дорогу до батареи. Мой приятель без умолку болтал о случившемся, а я был как-будто в состоянии опьянения... Гораздо позднее я рассказал об этом моему отцу, и он сказал: «Это война!»

На войне мы не собирали *сувениры*. Мы брали только то, что могло понадобиться нашим командирам – например, карты, письма, или могло пригодиться нам. Некоторые из ребят носили русские меховые шапки: они были теплее наших. Некоторые носили валенки. Я как-то выменял у одного сапера кусок русской палатки на какую-то книгу. Я хотел, чтобы наш портной сшил мне из брезента крепкие брюки, но нас куда-то перевели до того, как он закончил работу.

На фронте мы жили в блиндажах или русских домах. Палатки мы не ставили, поскольку большую часть моей службы в России было холодно. Блиндажи представляли из себя ямы, покрытые бревнами или досками и землей. В некоторых были печки, иногда их топили масляными обогревателями, и всегда можно было определить, где их использовали: парни из таких блиндажей ходили с закопченными физиономиями...

Завершилась моя фронтовая служба в начале апреля 1943-го. Я с группой ребят ехал на французском грузовике. Водитель как огня боялся партизан и вел машину на дикой скорости. В итоге грузовик на повороте слетел с дороги и въехал в дерево. Я получил перелом бедра и еще чего-то. Дальше припоминаю, что какие-то гражданские русские погрузили меня в сани. Было больно – я просто орал от боли. Потом меня отправили в госпиталь. Я так и не оправился полностью: я и сейчас хромаю, а тогда хромал намного сильнее. Но людей не хватало, и меня отправили служить на какой-то склад в Штутгарте. Там я уже служил в офисе. Бомбежки шли одна за другой, и у нас выработалась стойкая ненависть к американцам и британцам. Слава богу, ни разу сбитый летчик не приземлился на парашюте рядом с нами – я бы просто прикончил его. Когда конец войны стал близок, наш офицер оказался хорошим мужиком и дал нам возможность уйти до того, как появились французы. Думаю, он понимал, что нам незачем становиться «героями», закончившими войну в лагере для военнопленных. По дороге домой были неприятные столкновения с полицейскими, но я оказался хорошим артистом, всячески разыгрывал из себя полного калеку, и меня отпустили.

Я был немецким солдатом и не стыжусь этого. В конце концов, я одел военную форму потому, что так полагалось, и у меня нет чувства вины, поскольку на моих руках нет крови. Возможно, я чувствовал бы себя иначе, если бы убил кого-то на войне... Я выполнил свой долг перед моей страной. Хотя, я должен признаться, что когда-то восхищался Адольфом Гитлером так же, как большинство других немцев, но, во всяком случае, я служил своей стране, а не ему. Пошел бы я снова на войну? Смеетесь, что ли? Я бы просто сбежал в Швейцарию!

Оригинальное интервью: Eric Tobey (1989)

Рассказ немецкого пехотинца по имени Ханс Мелькер (Hans Melker)

Меня зовут Ханс Мелькер. Перед войной, примерно до 1938 г. я состоял в туристическом клубе. С этим клубом я ходил в походы и занимался ремонтом культовых сооружений в лесах. Затем я стал членом Гитлерюгенда, но вступил в него добровольно, так как наша группа просто слилась с ним. Мои родители были сильно этим огорчены, поскольку они были людьми религиозными и добросердечными, а Гитлерюгенд имел репутацию военизированного объединения. Но парней это привлекало... Это был большой союз, и в нем происходило много увлекательного. И вообще, что это за парни, которые не хотят поиграть в войну? Мы учились стрелять, использовать полевые рации и карты.

Проводились соревнования между различными подразделениями и боевая подготовка. Затем я попал в *Reichs Arbeits Dienst* (*Трудовая Служба Рейха – RAD – крупная организация в нацистской Германии, нацеленная на устранение последствий массовой безработицы, милитаризацию и идеологическую обработку трудоспособного населения - ВК*). В этой организации мы строили дамбы, предотвращающие оползни (*слева на фото – подразделение RAD на землеройных работах*).

Затем, в октябре 1942 г., когда мне исполнилось 18, я попал в армию. Служба была обязательной, всем полагалось служить. Боевая подготовка в армии не сильно отличалась от занятий, который проводились с нами в лагерях Гитлерюгенда или *RAD*. К тому времени мы уже попривыкли к военному образу жизни. Кроме всего прочего, нас обучали ведению ночного боя - поднимали ночью, швыряли гранаты вокруг да около для того, чтобы вызвать среди нас панику... Действительно, было трудно что-либо понять среди этих вспышек и грохота. Вот что такое ночной бой – все вперемешку. Да и дневной бой мало от этого отличается!

Мои родители были рады тому, что я в армии, а не в Гитлерюгенде. Их беспокоил факт моего пребывания в этом союзе, ну а армия существовала с незапамятных времен и имела репутацию носителя высоких моральных стандартов. Мои родители писали мне письма почти каждый день и все время присылали мне то, что могло пригодиться им самим. Моя матушка, должно быть, потратила много времени на то, чтобы связать мне шарф, перчатки или шапку. Мне стыдно признаться, но я почти никогда не одевал то, что она присылала мне. Я обычно обходился тем, что давали в армии, и обменивал посылки моей матушки. Само собой, я никогда не говорил ей об этом. Да и отвечал я на их письма не слишком часто. Я получал их письма, иногда целые пачки писем... Письма были грустными: родители писали, что волнуются о том, как у меня идут дела (это уже было тогда, когда нас отправили на фронт), и почему я не пишу. Не писал я не потому, что у меня не было на это времени – на самом деле, я был просто глупым пацаном.

Не считая обучения и отпусков, я провел все свое время в армии на Восточном фронте – 1943-й год и часть 1944-го. Я служил 1-й роте 169-го Пехотного Полка, который был частью 68-й Дивизии. Нашей эмблемой был медведь. Мы воевали против Советов. Звали мы их «Иваны», «противники» или «большевики». Вы читали о том, что немецких солдат посылали на Восточный фронт в качестве наказания. Это неправда, поскольку большинство немецких солдат побывало на Восточном фронте в разное время, а многие больше ничего другого и не видели. В течение многих лет это было единственной нашей большой военной компанией. Россию забыть невозможно. Это очень большая страна, страна сельских просторов. Ну а *Иваны* были страшным врагом. Они убивали наших раненых и иногда вообще не брали пленных. Есть много хороших русских людей, это я знаю. У нас был русский, который водил наш *ZugWagen* (*тягач*). Он также помогал поварам. Как-то раз наш повар был весьма огорчен, потому что этот русский нашел какого-то раненого русского солдата неподалеку от кухни и стал развлекаться тем, что выплескивал горячую воду на этого парня! Повар даже порывался застрелить нашего русского, а когда уже все мы возмутились, парню пригрозили тем, что его наградят большой медалью и отправят через линию фронта к «своим». Обычно это приводило русского в трепет! Позднее он стал вести себя прилично, пообтесался среди нас за долгий период времени...

У меня есть несколько боевых наград, в том числе, - Железный Крест. Получил я его, когда был вестовым. У меня был специальный подсумок, чтобы носить в нем пакеты. Я прятал подсумок за пазухой, чтобы *Иван* не мог его разглядеть – в противном случае меня могли принять за офицера или разглядеть во мне посыльного. В этом случае я стал бы хорошей мишенью. Итак, я был в пути – мне нужно было доставить послание одному из наших взводных, когда увидел в разрушенном доме русских. Я побежал назад, доложил об этом своему командиру, и был послан назад с группой солдат и пулеметчиком, чтобы разобраться с русскими. Никакой храбрости для этого не потребовалось... Была у меня еще *Infanteriesturmabzeichen* – нагрудный знак (на фото слева), который солдат получал за участие в определенном количестве атак. Еще был знак отличия *Verwundetenaabzeichen* за ранение, который носили на левом нагрудном кармане. Мы называли его *Blech* (*жестяная бляха - ВК*). У некоторых офицеров было множество знаков *Blech*. Вообще, не поймите меня превратно –

мы, на самом деле, гордились нашими знаками отличия. Я знаком с некоторыми бывшими американскими солдатами, которые у себя дома держат медали в рамках на стенах. Ну а у меня дома вы видите награды в рамках? Ну, допустим, придет ко мне разносчик газет и скажет: «А где вы это получили, г-н Мелькер?» Я отвечаю: «Эй, пацан, я был самым храбрым солдатом среди всех наци! Ха-ха!» Был я в чине ефрейтора (*Gefreiter*). Это было на одну ступень выше рядового. Никогда не забуду, как после проникающего ранения в легкое меня отправили в Германию. В госпитале мне вручили нагрудный знак за ранение, причем сделали из этого большое событие – наградили перед строем ребят из Гитлерюгенда. Они сказали, что получить ранение в боях за Фатерлянд - большая честь. После этого один из парней подошел ко мне и спросил, в какое место я был ранен. Я сказал, что у меня оторвало яйца. Вы бы видели его лицо после этого! Хе-хе...

У нас были довольно длинные рубашки, которые мы называли «домик для вшей». От подола рубашек мы отрезали небольшие лоскуты, чтобы использовать их при чистке оружия. Были зеленые шерстяные брюки и китель. На кителе было два небольших кармана на груди и два больших кармана на бедрах. Во время обучения приходилось держать карманы почти пустыми. Однако, в России мы заталкивали в эти карманы все, что могло пригодиться. Ранцы мы не носили, поэтому приходилось укладывать необходимое туда, где была возможность. У нас были каски, на внутренней стороне которых мы белой краской большими буквами писали свое имя. Это делалось для того, чтобы в темноте каждый мог найти свою каску и не хватался за первую попавшуюся, когда начинается артобстрел. У нас были и туфли, и башмаки. Я продал свои туфли нашему сапожнику. Он, в свою очередь, занимался бизнесом – продавал солдатские туфли гражданским. Он покупал у нас туфли, а взамен выдавал бумажный чек, в котором было написано, что туфли находятся в ремонте. В германской армии человек нес материальную ответственность за каждую мелочь, которая была ему выдана. Если у вас не оказывалось всего того, что должно было быть, у вас появлялись проблемы. Если у вас снашивались носки, лучше уж было заштопать их или упаковать с другими вещами, поскольку выбрасывать их было никак нельзя. Даже противогаз нельзя было выбросить, потому что его наличие постоянно проверяли у каждого, и, если его не было на месте, у вас появлялись проблемы. Был специальный *Unteroffizier*, который проверял, есть ли у тебя противогаз. Ну а мне проблемы были ни к чему...

Я носил портянки (*Fußlappen*), а не носки. Наматываешь их так. Сначала ставишь ногу наискось, чтобы носок и пятка смотрели на углы. Затем обматываешь носок, потом накидываешь портянку с этой стороны, потом с другой. Я снашивал носки, и у меня никогда не хватало терпения зашить их. Небольшой набор ниток и иголок, которые мне прислала матушка, я отдал лучшему другу. Отличные носки домашней вязки, которые мне присылала матушка, я всегда менял на что-то. Менял на табак, еду, журналы, всякую всячину. До сих пор мне стыдно за это. Моя матушка вышивала мое имя на вязаных вещах, которые присылала мне. Другие солдаты говорили мне, что хотели бы, чтобы их матери так заботились о них. Одна из пар носков, присланных мне, оказалась у одного из солдат из соседней роты. Этому парню оторвало верхнюю часть тела... На его ногах обнаружили носки с моим именем. Командир этой роты пришел к нашему сержанту, чтобы спросить, не числюсь ли я среди пропавших без вести. Само собой, я был жив и на своем месте! Обычно я обходился портянками, но не в зимнее время года. Портянки снашивались медленнее, и все, что нужно было делать, это переворачивать ее каждый раз так, чтобы пятка была на новом месте. Кстати, мы называли еду из капусты *Fußlappen*, настолько неприятно она пахла!

На голове мы носили что-то вроде небольшой пилотки. Полагалось носить их с небольшим наклоном. В 1943-м стали выдавать кепи с козырьком. Кроме того, у нас были кепи, похожие на полицейские, - с небольшим пластиковым козырьком. Они выглядели элегантно! Но в полевых условиях мы их не носили. На этих кепи была белая полоска по верхнему краю. Это был отличительный цвет пехоты. Такого же цвета были лычки на погонах. По цвету этих лычек можно

было сказать, к какому роду войск принадлежал солдат: белые у пехоты, красные у артиллеристов, черные у инженерных войск. Это можно было сказать, глядя на самого военнослужащего. Если это был крупный парень, с крепкими мускулами и почти глухой – это был артиллерист. Если это был рукастый малый с подвижными зрачками – это был санитар. Если парень пер как бык – это был кто-то из военной полиции. Если у парня голова была в шишках, а сам он пах бензином – это был танкист. Если одно ухо у парня было приплюснуто – это был связист. Крутыми парнями были казначеи – они никак не выглядели как солдаты... ха-ха...

У каждого был солдатский жетон (*Erkennungsmarke*). Нам выдавали их со шнурком, чтобы их можно было повесить на шею. Но это был металлический предмет, который охлаждал тело после того, как я нагибался, он свешивался вниз, и я распрямлялся... Б-р-р-р... Как он охлаждал грудь! Поэтому я обычно держал его в солдатской книжке, которую носил в кармане.

Вши были проблемой, и, в основном, потому, что их было полно в русских домах, в которых мы ночевали. Наши санитары всегда сыпали всюду и везде свои порошки, но вшей это не останавливало. В большинстве случаев лучше было спать под открытым небом и мокнуть... Чтобы заполучить вшей, необязательно было ходить немытым. Мы старались поддерживать чистоту настолько, насколько это было возможным. Как-то нас отправили в какое-то подразделение, которое проверяло солдат на предмет наличия вшей. Помню, как один солдат взял нашу одежду, осмотрел ее и сказал: «Вы - грязные свиньи! У вас вши, потому что вы – отвратительные

грязнули! Вы должны каждый день менять белье, тогда и вшей не будет.» Тогда кто-то из наших швырнул ему в лицо свою грязную униформу...

Нашу еду готовили в полевых кухнях, которые мы называли *Gulaschkanone* (Гуляш-пушка). Мы выстраивались в очередь, и еду раскладывали по котелкам. Получали мы хлеб, суп, капусту и мясо (гуляш). Да, еще мы могли съесть что-то из неприкосновенного запаса (*eiserne Portionen, der Erste Zug*), но только тогда, когда разрешал офицер. Это были мясные консервы. Иногда мы находили эти рационы в снаряжении тех, кто был ранен и отправлен в тыл. Некоторые из нас брали еду из *Brotbeutel* (хлебный подсумок – ВК), если находили их на убитых, но я такое позволить себе не мог. У каждого солдата был *Brotbeutel*. Он был сделан из холста, и вешали его на пояс. На подсумке также был холщовая ляжка, которую использовали для чего угодно, но только не по прямому назначению (для ношения подсумка с ляжкой через плечо). Полагалось носить в этом подсумке продукты, но в нем носили самые разные предметы. Как я уже говорил, мы не носили ранцы, поэтому приходилось носить разные вещи, где придется.

Gulaschkanone и очередь за едой

Если говорить о туалетах, то, если было время, мы брали лопату и рыли ямку. Если не было времени, просто находили место, чтобы присесть. Русские сбрасывали на нас листовки из тонкой бумаги, и мы использовали их по назначению. Когда мы стояли лагерем, устанавливали стационарный деревянный сортир. Зимой, когда мы останавливались в домах, вывешивали знак «Используйте туалет!» Думаю, некоторые из ребят не очень хотели выходить на мороз, поэтому оправлялись прямо в доме. В домах туалетов не было. Но если кого-то ловили во время оправки прямо в доме, этому человеку серьезно доставалось.

Трофеи мы не брали - не могу такого припомнить. Русским доставалось больше трофеев, чем нам. Иногда мы снимали звезды с шапок русских, но особенно этим не увлекались... У меня были часы - подарок от моего учителя, но я потерял их в госпитале, куда попал после ранения. Какие-то воры стащили мои часы в госпитале. Вы могли попасть в госпиталь с «полной выкладкой», так как фронтовые санитары ничего вашего брать бы не стали. А когда вы покидали госпиталь, вам возвращали только малую часть из того, что было у вас раньше. Когда вы спрашивали их: «А где мое то-то и то-то?», вам говорили: «Чего? Не было у тебя ничего такого, когда ты попал сюда. Должно быть, ты потерял все это, когда был ранен.» Припоминаю также, что у меня было несколько фотографий убитых русских, уже не помню, как они ко мне попали, так как у меня не было фотоаппарата. Не знаю, зачем они мне понадобились, так как мертвых можно было увидеть всюду и везде. Но когда я получал свои вещи при выписке из госпиталя, дежурный санитар очень хотел заполнить эти фотографии. Не пойму, почему, немного смешно... Я отдал ему эти фото...

Мы боялись русской артиллерии и реактивных снарядов. Но больше всего я боялся солдат-азиатов (*Mongolian* – распространенный термин в англоязычной литературе – ВК) со штыком! Был у меня такой детский страх. Я четко представлял себе этого зловещего азиата, который собирается проткнуть меня штыком. Вот что наводило на меня ужас!

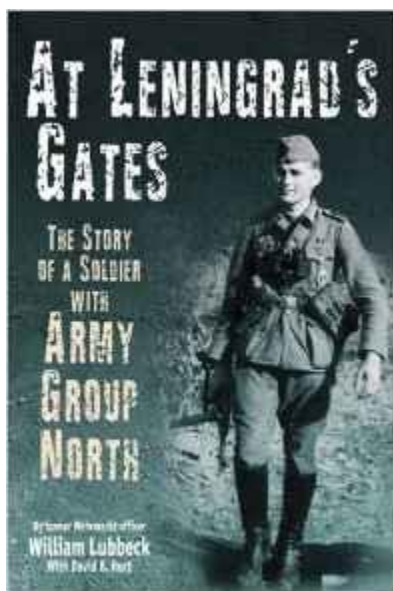
Я часто думаю о родителях и о войне. Мои родители были такими хорошими людьми... Они попали под бомбежку и погибли. Сидели в бомбоубежище, когда прямо в него угодила бомба и рухнуло

перекрытие. Моя матушка пролежала в госпитале почти месяц, и, в конце концов, ушла из жизни. Но наш дом в конце войны все еще оставался на месте – он находился в пригороде Берлина, носившем название Babelsburg. Мой ротный командир (*Kompanieführer*) сообщил мне, что моих родителей уже нет, и я неожиданно почувствовал себя очень одиноко. Никогда я толком не ценил их, пока они были живы...

Не думаю, что американцы представляют себе, как сильно мы пострадали. Американец скажет: «Эти нацисты получили все то, что заслужили!» Да, Германия допустила кое-какие жестокости, но единственным преступлением моих родителей было то, что они не подняли голос против своего правительства. Об американцах можно часто прочесть то, что на их глазах убивают людей, а они молча смотрят на это. Мне любопытно – дадут ли те самые люди, которые полагают, что Германия была наказана, согласие на то, что придет полиция и пристрелит не только убийц, но и тех, кто стоял и смотрел? Да нет, что вы... Они приведут такие причины: «мы боялись» или «не наше это было дело...», или «человек, которого пристрелили, был замешан в торговле наркотиками или дружил не с тем, с кем нужно...». Это лицемерие. А чтобы отвлечь внимание людей от того факта, что бомбардировка мирных людей была преступлением, из экипажей бомбардировщиков сделали героев! Разве могли эти парни сражаться не за правое дело!..

Интервью - Richard M. Clement, Jr. (взято из газеты Die Neue Feldpost)

Интервью с ветераном Восточного фронта Вильямом Люббеком (William Lubbeck)

В августе 1939 г. Вильям Люббек в возрасте 19 лет был призван в Вермахт. Находясь в составе 58-й Пехотной Дивизии, он впервые вступил в бой в 1940 г. во Франции. В 1941 г. он принял участие во вторжении в СССР, что привело его в окрестности Ленинграда. В сентябре 1943 г. Люббек был награжден Железным Крестом 1-го класса и был направлен в офицерскую школу в Дрездене. Ко времени его возвращения в Россию Группа Армий «Север», в которую входила его часть, уже отступала. Он принял под свою команду роту тяжелого оружия, с которой прошел путь от Риги до Клайпеды (Мемеля). В апреле 1945 г. его рота, застрявшая в транспортной пробке, была почти полностью уничтожена во время артиллерийского налета, за которым последовали атаки с воздуха... Люббеку удалось эвакуироваться из Восточной Пруссии на эсминце, который 7 мая 1945 г. добрался до британской оккупационной зоны в Дании.

После войны Люббек написал мемуары – книгу "At Leningrad's Gates: The Story of a Soldier with Army Group North", опубликованную в 2006 г.

В какой части вы служили?

13-я Рота (тяжелого вооружения), 154-й Полк, 58-я Пехотная Дивизия

Какие у вас были обязанности?

Начал службу в отделении связи во Франции (1940), затем стал передовым наблюдателем в России (1941-1943). После прохождения курса офицерской подготовки стал командиром роты тяжелого оружия, в которой служил раньше. В ней оставался до конца войны.

В каком чине вы служили?

Я продвинулся от звания рядового (*Schütze*), которое получил в учебном лагере в августе 1939 г. до звания капитана (*Hauptmann*), полученного мною в марте 1945 г.

Какие у вас были боевые награды?

Железные Кресты 1-го и 2-го Классов, *Sturmabzeichen* (нагрудный знак за участие в определенном количестве атак - ВК)

Что было самым лучшим для вас в армии?

Товарищеский дух и дисциплина

Сохранились ли в вашей памяти какие-нибудь смешные истории времен службы в армии?

Помню, как пару раз крепко напивались с товарищами в моем блиндаже. То, как получал прямые личные угрозы от противника. Эти угрозы зачитывались противником через громкоговорители прямо на передовой.

Какие песни вы пели?

С десятков песен, которые были связаны с нашей принадлежностью к землям северной Германии.

Надписывали ли вы своим именем свои вещи, предметы одежды или снаряжения?

Нет.

Припоминаете ли вы какой-нибудь армейский жаргон?

Кожаные сапоги иногда называли *Knobelbecher*, поскольку они напоминали чашки для игры в кости.

Как вы проводили свободное время?

Писал письма домой.

Была ли популярной игра в карты? Какие игры были распространены?

Скат на деньги (с очень небольшими ставками).

Как вас стригли? Носил ли кто-либо усы?

Брили по бокам, оставляли подлиннее наверху. Усов не помню.

Насколько единообразной была ваша часть? Насколько одинаково все выглядели?

Да, все было весьма стандартным.

Носили ли вы с собой свою солдатскую книжку (*Soldbuch*)?

Да.

Как вы носили свой солдатский жетон в полевых условиях?

На шее.

Выбросили ли вы свой противогаз?

Пару раз одевал его во время Французской кампании в 1940-м, но не носил его с собой после того, как мы вышли к Ленинграду.

Где вы носили свое полевое кепи, если оно не было одето на голову?

За поясом.

Как проходила стирка униформы в полевых условиях?

Обычно у нас была возможность постирать свои майки и нижнее белье один раз в две-три недели. Шерстяные вещи пропаривали, чтобы избавиться от вшей перед тем, как отправиться в отпуск в Германию. Каждые девять месяцев нам выдавали новую форму.

Использовали ли вы трофейную технику?

Наша рота использовала трофейные французские грузовики в России, а у меня, как у командира роты, был трофейный *Ситроен*.

Насколько сильны были требования к внешнему виду в полевых условиях?

Нас редко к чему принуждали на передовой. Например, я как-то не брился несколько недель в период ожесточенных боев под Волховым зимой и весной 1942 г.

Немецкие солдаты на Воховском фронте (<http://histomil.com/viewtopic.php?t=3918&start=3760>)

Где были ваши вещевые мешки, когда вы шли в бой?

В фургонах, которые следовали за нами.

Где была ваша шинель, когда не было необходимости одевать ее?

В фургоне.

Что у вас было для хранения вещей: рюкзак, ранец или A-Frame (небольшая сумка, прикреплявшаяся к боевому ранцу)?

Нет, это все больше относится к ПМВ.

Опишите свои первые дни в армии.

Я чувствовал большой душевный подъем. Служба в армии имела высокий статус в обществе, и этим гордились.

Кому вы должны были отдавать честь?

Всем, кто был старше по званию (из всех родов войск). Как в помещении, так и вне его.

Опишите обычную поверку.

Во время обучения она проходила после завтрака. На фронте ее не было. Могла быть одна в неделю, когда мы были вдали от передовой.

А что проверяли во время инспекций (Appell)?

В период начальной подготовки оценивали внешний вид и состояние обуви. Однако я хорошо помню инспекции, которые проводили в казарме. Проверявшие были в белых перчатках и искали следы пыли, а также оценивали, насколько хорошо натерт пол. При этом всегда находили что-то сделанное не так, как нужно.

Как вам платили? В какой валюте?

Насколько я помню, нам раз в месяц платили в рейхсмарках. Тем не менее, я получал только «боевые», остальное шло на мой счет в банке.

Насколько регулярно вы отправляли и получали почту?

Почту доставляли обычно раз в два дня или около того, хотя в периоды тяжелых боев она могла приходиться раз в две недели.

Что вы можете сказать о полевой жандармерии (Feldgenarmarie)?

Очень редко их видел.

За какие провинности вы наказывали солдат?

Будучи капитаном, в конце войны, мне приходилось наказывать за воровство.

Приходилось ли вам в бегах условиях носить униформу, сшитую из хлопчатобумажной ткани?

Нет.

Какие у вас были отношения с другими родами войск: Кригсмарине, Люфтваффе, SS?

Прекрасные, никаких проблем.

Были ли у вас контакты с солдатами других национальностей?

Да, с солдатами Дивизии SS *Viking* под Ленинградом.

Какие виды камуфляжа вы носили в полевых условиях?

Только белое пончо поверх формы зимой.

Опишите вашу зимнюю одежду.

Шерстяная шинель и ватная куртка.

Какие развлечения предоставлялись военным?

На передовой никаких, хотя что-то было в Красногвардейске под Ленинградом.

Были ли у кого-либо из вашей части вши?

Вши были у всех.

Расскажите, что такое *Marketenderware* (лавка в боевой части - ВК).

Раз в неделю или раз в месяц нам выдвали дополнительный рацион водки или шоколада. Как-то раз я даже получил дополнительный рацион коньяка *Hennessy*.

Где вы носили свой бумажник?

В заднем кармане.

Что у вас обычно было в карманах?

Бумажник, нож, носовой платок.

Курили ли вы? Что было более распространено: трубки, сигары, сигареты?

Да, я начал курить сигареты во время вторжения в Россию. Сигареты были произведены в Германии или в Прибалтике.

Чем вы пользовались: спичками или зажигалкой?

Спичками.

Выдавали ли вам свечи в полевых условиях?

Они были у нас в блиндажах под Ленинградом.

Имелись ли у вас платяная щетка и швейный набор?

Нет, но у интенданта в подчинении был портной.

Часы у вас были?

Да.

Вы носили подтяжки?

Нет.

Было ли у вас наставление для солдата?

Нет.

Была ли у вас фотокамера?

Да, в 1939-м я купил 35-мм камеру.

Был ли у вас карманный фонарик?

Нет.

Носили ли вы гамаши?

Нет.

Выдавали ли вам «Неприкосновенный Запас»? Опишите, что в него входило?

Консервированный тунец, галеты, мармелад и масло.

Могилы солдат и офицеров 58-й Пехотной Дивизии Вермахта

<http://photo.qip.ru/users/nickanorus/4184777/?mode=large&sort=visitors&page=9>

Интервью - David B. Hurt

Все рассказы и интервью – сайт <http://www.dererstezug.com/VetEgon.htm>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник